

Ипостаси адресанта мемуарного произведения (на материале мемуаров А.А. Успенского «В плену»)

Коваленко Е.И.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Среди основных особенностей мемуарного текста исследователи отмечают ретроспективный характер когнитивной деятельности автора-мемуариста. Именно этот признак мемуарной прозы обуславливает «расслоение» писательского «эго» на две ипостаси, раздвоение личностной позиции автора на «я прошлое» (участника событий) и «я настоящее» (наблюдателя).

Цель статьи – реконструировать ипостаси, свойственные адресанту (автору), в мемуарном произведении А.А. Успенского «В плену».

***Материал и методы.** Материалом для проведения исследования послужило мемуарное произведение А.А. Успенского «В плену». При этом использованы общенаучные (наблюдения и обобщения) и лингвистические (композиционного анализа, контекстуального анализа, интерпретативный) методы.*

***Результаты и их обсуждение.** В статье представлены результаты исследования мемуарного произведения А.А. Успенского «В плену» в аспекте функционирования в нем различных ипостасей адресанта: 1) установлены способы обозначения адресанта; 2) выявлены и рассмотрены различные планы адресанта, композиционно организующие мемуарный текст; 3) определены их соотношения и иерархия во внутреннем мире произведения; 4) выявлены способы речевого выражения ипостасей автора.*

***Заключение.** В зависимости от соотношения адресанта с текстовым и реальным временем выделены три ипостаси автора исследуемого мемуарного текста: повествователь, персонаж, комментатор. В результате взаимодействия планов повествователя и персонажа в произведении «В плену» автором создается уникальный ретроспективный образ собственного авторского «я».*

***Ключевые слова:** мемуарный текст, ипостаси адресанта, речевая маска, повествователь, персонаж, комментатор, образ «я», А.А. Успенский.*

(Ученые записки. – 2019. – Том 29. – С. 232–238)

Images of the Addresser of the Memoir Works (Based on the Memoirs of A.A. Uspensky “In Captivity”)

Kovalenko E.I.

Educational Establishment “Vitebsk State University named after P.M. Masherov”, Vitebsk

Among all the main features of the memoir text, researchers note the retrospective nature of the cognitive activity of the memoir writer. It is the sign of memoir prose that causes the “fractionation” of the writer’s “ego” into two images, a split of the author’s mind into the “I am the past” (event participant) and “I am the present” (observer).

The purpose of our study is to reconstruct the images peculiar to the addresser (the author) in the memoirs “In Captivity” by A.A. Uspensky.

***Material and methods.** The material for the study was the memoir work of A.A. Uspensky “In Captivity”. We used the general scientific methods: methods of observation and generalization, as well as linguistic methods: the method of compositional analysis, the method of contextual analysis, the interpretative method.*

***Results and its discussion.** The article presents the results of the study of the memoirs of A.A. Uspensky “In Captivity” in the aspect of the functioning in it of various images of the addresser: 1) the means for designating the addresser are established; 2) various plans of the addresser compositionally organizing the memoir text are identified and considered; 3) their relationship and hierarchy in the inner world of the work are determined; 4) the ways of speech expression of the author’s images are revealed.*

***Conclusion.** Depending on the correlation of the addresser with the textual and real time, we identified three images of the author of the studied memoir text: the narrator, the character, the commentator. In the result of the interaction of the plans of the narrator and the character in the work “In Captivity”, the author creates a unique retrospective image of his own “me”.*

***Key words:** memoir text, images of the addresser, speech mask, narrator, character, commentator, the image of “me”, A.A. Uspensky.*

(Scientific notes. – 2019. – Vol. 29. – P. 232–238)

Адрес для корреспонденции: e-mail: katja.p92@mail.ru – Е.И. Коваленко

Среди основных особенностей мемуарного текста исследователи отмечают ярко выраженный ретроспективный характер когнитивной деятельности автора-мемуариста. Т.Г. Симонова, например, определяет «ретроспективность» как «воспоминание о давно и совсем недавно минувшем» [1, с. 22]. Именно этот признак мемуарной прозы обуславливает «расслоение» писательского «эго» на две ипостаси, раздвоение личностной позиции автора на «я прошлое» (участника событий) и «я настоящее» (наблюдателя). В лингвистических и литературоведческих источниках, посвященных мемуаристике, данные ипостаси писательского «эго» отмечаются многими исследователями, однако обозначаются различными терминами: «автор» и «автобиографический герой» [2]; «я» описывающего субъекта и «я» – объект описания [3]; повествующее «я» и повествуемое «я» [4].

Обозначенное качество мемуарного текста обусловило и появление в мемуаристике особого типа повествователя (нарратора). В частности, для мемуаров характерен так называемый «диегетический нарратор», характеристику которого находим у В. Шмида: «Диегетическим будем называть такого нарратора, который повествует о себе самом как о фигуре в диегесисе. Диегетический нарратор фигурирует в двух планах – и в повествовании (как его субъект), и в повествуемой истории (как объект)» [4, с. 81]. Повествователь в мемуарах, таким образом, не противопоставляется биографическому автору, а превращается в одну из его речевых масок, главной функцией которой выступает непосредственное самовыражение автора как определенной языковой личности, обладающей конкретной биографией.

Использование автором типологических приемов мемуарного жанра в сочетании с индивидуально-авторскими, как и в любом прозаическом произведении, обуславливает различные соотношения сфер повествователя в прошлом и настоящем: «на первый план в тексте либо выступает повествователь, вспоминающий прошлое, либо передается непосредственный “голос” повествователя в детстве или юности, наконец, может устанавливаться динамическое равновесие обоих взаимодействующих планов» [3, с. 134].

Цель статьи – реконструировать ипостаси, свойственные адресанту (автору), в мемуарном произведении А.А. Успенского «В плену». Сопутствующие задачи: 1) установить способы обозначения адресанта; 2) выявить и рассмотреть различные планы адресанта (ипостаси,

речевые маски), композиционно организующие мемуарный текст; 3) определить их соотношение и иерархию во внутреннем мире произведения; 4) выявить способы речевого выражения ипостасей автора.

Материал и методы. Материалом для проведения исследования послужило мемуарное произведение А.А. Успенского «В плену». При этом использованы общенаучные (наблюдения и обобщения) и лингвистические (композиционного анализа, контекстуального анализа, интерпретативный) методы.

Результаты и их обсуждение. В мемуарном произведении А.А. Успенского «В плену» описываются события с февраля 1915 года по ноябрь 1917 года (текстовое время); создание же мемуаров датируется 1933-м годом (реальное время). В зависимости от соотношения адресанта с текстовым и реальным временем можно выделить три основные ипостаси автора исследуемого мемуарного текста: 1) **повествователь** (рассказчик, хроникёр), создающий текст и «управляющий» его временем; 2) **персонаж**, принимающий непосредственное участие в описываемых событиях; 3) **комментатор**, описывающий события с «сегодняшней» точки зрения, оценивающий, сознающий и интерпретирующий.

Адресант в произведении А.А. Успенского «В плену» четко обозначен. Основное языковое средство, указывающее на него, – это **местоимение «я»**, которое выделяет как описывающего прошлое субъекта речи, так и объект его описания (изображения): «*Еще и сейчас я живо представляю себе наш лагерь Нейссе, этот пыльный плац и узенькие проулочки между дощатыми бараками, где мы, пленные, бродили и группами, и парами, и поодиночке, все время мечтая о свободе*» [5, с. 244]; «*Был один заветный уголок в лагере, это четыре-пять кустов сирени и скамейка около церкви-манежа. Сюда я любил заходить посидеть около Храма Божьего. Здесь, когда сумерки обращались в темноту и уже не видны были наши охранители-часовые и унылые бараки, я, лежа на скамейке, любил смотреть на звездное небо, и я с неописуемым изумлением и радостью убеждался, что и здесь оно такое же родное – не чужое...*» [5, с. 245–246; здесь и далее текст цитируется по изданию, включенному в список литературы, с указанием в скобках страниц. – Е.К.].

На адресанта в мемуарах А.А. Успенского также указывает **местоимение «мы»**. Оно используется при:

а) описании совместных действий (состояний) повествователя и близкого к нему лица (лиц): «Много еще грустных вещей в эту ночь рассказал мне мой старый хозяин, пока **мы** не разошлись спать» (с. 433);

б) установке на типизацию для указания на широкий круг лиц, то множество, представителем которого осознает себя повествователь: «Только в десять часов вечера конвойные остановили нас на ночлег в какой-то деревне. **Нам** отвели холодный и пустой сарай, так как все хаты оказались переполненными немецкими войсками, и уже **мы** начали располагаться на отдых, как вдруг раздалась немецкая команда: идти дальше! **Мы** вышли из сарая и построились на улице, и что же? Здесь, ночью, на морозе немцы продержали нас почти три часа! А ведь **многие из нас** были раненые и почти все больные» (с. 198).

Следует отметить, что в произведении «В плену» А.А. Успенского местоимения «мы» и «я» представлены в динамическом чередовании, что, с нашей точки зрения, свидетельствует о желании автора усилить значимость коллективного опыта, вбирающего в себя и опыт личный.

События прошлого описываются **мемуаристом-рассказчиком** в исследуемом мемуарном тексте при помощи *видовременных форм глаголов прошедшего времени*, что связано с ретроспективным характером мемуарной прозы. Приметами речи мемуариста-рассказчика в этих случаях являются *даты и другие указатели временного характера*, создающие хронологическую канву произведения. Ср., например: «**1915 год. 8/21 февраля** – роковой день, когда в августовских лесах жалкие остатки русского 20-го корпуса, а с ним и нашего 106-го пехотного Уфимского полка (27-й дивизии) окружены были четырьмя немецкими корпусами и после неравного боя **принуждены были сдаться в плен!** Бой был неравный, потому что русские войска, после почти непрерывных, в течение двенадцати дней и ночей, боев, остались без патронов и снарядов» (с. 195).

План повествования представлен как единичными событиями, описываемыми при помощи *форм глаголов прошедшего времени совершенного вида*, так и событиями повторяющимися, описываемыми посредством *глаголов прошедшего времени несовершенного вида*: «**Вошел** батюшка, а за ним два офицера, причем один из них плакал, а другой, обнявши его, успокаивал. Плакавший **заказал** панихиду. Это был капитан Колпак (всегда во время Богослужения прислуживавший батюшке в алтаре), только что по-

лучивший письмо из России о том, что жена его после двух операций рака **скончалась**, оставив четырех малых детей сиротами. Батюшка **облачился**, и **началась** панихида» (с. 296–297); «На проверке обыкновенно **присутствовали** все чины комендатуры. При появлении коменданта фельдфебель громко **кричал**: “Achtung” (для команды солдат), на что комендант **прикладывал** руку к козырьку, и казалось, как будто этим он и нас, стоящих в строю, **приветствовал**. Так же, как и на фортах, и в лагере Нейссе, фельдфебель **выкликивал**, сильно коверкая, наши фамилии. Кроме того, фельдфебеля, обходя наш фронт, **поверяли** число офицеров по комнатам» (с. 319).

Рассмотрим случаи перемещения плана мемуариста-рассказчика **в сферу мемуариста-персонажа**, то есть видоизменение объективного авторского повествования в субъективизированное. Некоторые ситуации прошлого (или их часть) интерпретируются как актуально значимые, вновь переживаемые, отсюда широкое употребление в тексте *форм настоящего исторического*: «Громко **стучат** по каменному полу подкованные гвоздями сапоги наших “охранителей”, резко **светит** луч ручного электрического фонарика по нашим лицам и **слышится** громкий шепот: “Eins, zwei, drei”!..» (с. 223); «Серенький, с утра дождливый день. Я **лежу** с книгой в руках в постели. Дождь непрерывно и монотонно **стучит** по плоской крыше нашего барака. На душе тоскливо. Все еще неизвестно, когда нас будут отправлять на родину, и я **начинаю подозревать**, что все это обман» (с. 424).

Вспоминая о прошлом, в некоторых фрагментах текста повествователь перевоплощается в себя же в тот временной отрезок, о котором идет речь, и воссоздает образы непосредственного восприятия, перемещаясь **в план персонажа**. К речевым средствам, создающим *эффект непосредственного восприятия (прием представления)*, относятся: употребление частицы «вот», устанавливающей дейксис представления; использование глаголов, обозначающих «наблюдаемые» действия; прилагательных с семой «странный»; предлогов, местоимений и наречий, указывающих на конкретную пространственную точку зрения очевидца событий; номинативов, связанных с планом настоящего; временных смещений, вопросов, уточняющих характер ситуации. В исследуемом мемуарном тексте также представлены фрагменты, создающие эффект непосредственного восприятия. Например: «**Вот**, наконец, и **зеленый мост**,

Снипишки (Снипишки – один из районов Вильнюса. – Е.К.), **улица и тот дом, где до войны я жил с семьей долгое время** (с. 431); **Слышно**, как в притворе костела грубо ругаются немцы, когда кто-нибудь не скоро возвращается обратно...» (с. 204); «**Вот** из открытого окна **слышно**, как красивый баритон под звуки гитары поет цыганский романс о любви. Из другого окна **слышится** дружный хохот молодежи, и в моих мечтах реет и манит мираж скорой свободы!» (с. 420).

В некоторых фрагментах текста передается непосредственный «голос» персонажа в описываемый период прошлого, представленный формами внешней и внутренней речи персонажа. Внешняя речь маркирована формами прямой речи (произнесенной или написанной): «Комендант, сопровождавший по лагерю сестру и ее спутника-испанца (как представителя нейтральной державы), сначала отказал ей в этой просьбе, но когда, при осмотре помещений, подошли мы с нею к двери, ведущей на чердак, **я шепнул ей: “Здесь наша церковь”**» (с. 306); «Комендант долго рассматривал иконочку, а потом обратился ко мне с такой просьбой: – Господин полковник, не можете ли вы этот образок продать мне, он напоминает мне благословение моей матери. – **Господин полковник, – ответил я, – с удовольствием подарил бы я вам эту иконочку, если бы это была моя собственность, а не достояние нашей церкви**» (с. 394); «В ответ на это письмо В. Н. и, в частности, о “Деревне” Пушкина, **я написал: “Это стихотворение и мое любимое. Кто не знает, что за эти стихи, за этот вопль о страданиях народа, за эту правду, сказанную поэтом Царю открыто, Пушкин был сослан в места не столь отдаленные!”**» (с. 362–363).

Наши наблюдения свидетельствуют о большей частотности форм внутренней речи персонажа, представленных небольшими по объему текстовыми вкраплениями прямой или несобственно-прямой речи. Данные формы внутренней речи вводятся в текст при помощи глаголов «думал», «рассуждал» и т.п.: «“Несчастливая Литва!” – **думал я**» (с. 434); «Зачем, **думал я**, народы враждуют и уничтожают друг друга, когда мир так велик и прекрасен, когда жизнь человеческая должна быть особенно ценима, чтобы успеть познать этот мир со всеми разнообразными творениями Господа, созданными на пользу того же человека?» (с. 421); «**Я рассуждал**: чего жена боится? что мне может сделать новое правительство России? За что оно меня будет

преследовать?» (с. 416); «**Я тогда невольно задал себе вопрос**: “Неужели это те самые немки, которые еще не так давно, при враждебной манифестации перед нашим лагерем, по нашему адресу потрясали своими кулачками?!”» (с. 330).

Конструкции внутренней речи в форме вопросов, с нашей точки зрения, указывают на автотокмуникативность, отражая в данном случае ретроспективные мысли автора-персонажа.

В мемуарной прозе автор зачастую становится творцом образа собственного «я» в описываемый период прошлого, который также может быть определен как одна из ипостасей адресанта. **Образ «я»** создается посредством приемов «самообъективации», которые находят выражение во взаимодействии планов повествователя и персонажа. Рассмотрим примеры самообъективации в исследуемом мемуарном тексте.

В своих мемуарах А.А. Успенский не дает развернутой автобиографии, лишь некоторые эпизоды его жизни до пленения упоминаются в тексте. Ср., например: «Явилась мысль устроить Богослужение. Наша Stub'a, узнав от уфимцев, что **я в своем полку исполнял должность церковного ктитора**, выбрала меня ктитором» (с. 423–424); «Предложено было и мне прочитать что-нибудь на тему или о религии (как ктитору нашей церкви), или о театре, так как многие офицеры (Виленского гарнизона) **знали о моем постоянном участии и режиссерстве в любительских спектаклях в Вильне**» (с. 343).

Отсутствуют в исследуемом мемуарном тексте и подробные языковые портреты близких повествователю людей, однако отдельные упоминания о них повсеместно встречаются в тексте в сопряжении с пересказами автором содержания их писем: «**Прислали письма жена моя и дочь**. Они, как беженки из Вильно, жили теперь в Москве и жили очень печально. Письмо жены было полно семейными заботами о дочери и мальчиках и ни слова не говорило о важных политических событиях. Получил я письмо и **от сына Валентина** – кадета Полоцкого корпуса. Он со своей ротой перекочевывал из города в город: <...>» (с. 377); «И вот, в одно печальное утро, каким-то путем прибывший из России еврей вручил мне письмо **от моей сестры**. Она изведала меня о смерти шести самых близких мне лиц: **отца, жены, дочери, сестры, брата и его жены!** Все умерли один за другим, в течение небольшого периода времени, в ужасных условиях “беженства” и жизни в “большевицком раю”...» (с. 436).

Образ «я», воссоздаваемый в исследуемом мемуарном тексте, запечатлен также в описании поступков автора в прошлом, которые всегда характеризуют его как положительного героя: «И вот, с ведома старшего в лагере, я, совместно с представителями от французов, англичан и бельгийцев, обратился к коменданту с просьбой отвести всем исповеданиям для Богослужения – манеж, а нам, православным, – назначить постоянного священника» (с. 265); «Снял Черновецкий шинель и очутился в костюме немецкого пейзажа. Я, спрятав его шинель, помог ему взобраться при помощи двух столов и веревочной лестницы через открывающийся люк – на чердак. Угол манежа, где мы все это проделали, не был видим из главного здания. Я пожелал беглецу успеха, и люк захлопнулся» (с. 269).

Образ «я» в мемуарном произведении А.А. Успенского «В плену» дополняется упоминанием об увлечениях героя в описываемый период, которые характеризуют его как личность интересующуюся, образованную и талантливую: «Сначала я старался ставить небольшие пьесы из чеховского репертуара, избегая пьес со многими женскими ролями <...>» (с. 352); «Времени было достаточно, и я постарался затронуть обе предложенные мне темы, и 21 декабря 1916 года при большом собрании офицеров, выражаясь по-военному, я “сделал доклад”, т.е. прочитал лекцию на тему “Религиозно-нравственное значение литературы и искусства”» (с. 344); «Я изучал французский язык и бухгалтерию» (с. 359). Особое значение мемуарист уделяет чтению, причем литературные интересы персонажа в описываемый период направлены преимущественно на литературу религиозную: «Особенно заинтересовала меня книга Н. Дурново “Так говорил Христос”» (с. 400); «Когда особенно тяжело было на душе и мрачные мысли не давали мне покоя, я, по совету нашего духовного отца в плену о. Назария, читал Евангелие, присланное В. М. Урванцевой, и находил в этом святом, неисчерпаемом источнике жизни успокоение» (с. 404).

Средствами самоописания и самохарактеристики в исследуемом мемуарном тексте служат также оценки повествователем действий других лиц, исторических ситуаций, предметов, его сентенции и афоризмы, оценки прочитанных книг: «Шайка международных авантюристов-коммунистов, прикрывавшихся псевдонимами в виде русских фамилий, возглавляемая этим Лениным, сначала, для закрепления своей власти,

объявила “свободу”: <...>, а потом, окончательно захватив власть в свои руки, заменила слово “родина” – “интернационалом”, причем стерла самое слово “Россия”!» (с. 382); «Объявление самоопределения народов и связанных с ним возрождения и самостоятельности некоторых государств, как Литва, Латвия, Эстония, Финляндия и Грузия, порадовало меня за моих боевых товарищей по русской армии, <...>» (с. 400); «Кто, кто эти судьи и обидчики офицеров, и что они сами дали России?! Где они были в то время, когда офицеры в продолжение трех лет тысячами погибали, защищая свою Родину?!» (с. 416); «Нужно быть извергами, слугами сатаны, чтобы назвать религию “опиумом для народа, развращающим сердце”. <...> Если это – опиум, то священный опиум, укрепляющий сердце человека» (с. 405); «Да, на войне судьба переменчива: вчера они у нас были в плену, а сегодня мы у них!» (с. 202); «Особенно заинтересовала меня книга Н. Дурново “Так говорил Христос”. В этой книге автор много говорит о совершенствовании и работе человека над самим собой, что дает ему внутреннее удовлетворение и примирение со всеми людьми: отсюда мир и согласие на земле» (с. 400).

Значимы для самоинтерпретации и описания окружавших повествователя в прошлом предметов или природных явлений, которые, как правило, открыто субъективны, часто оценочны и отображают индивидуальные особенности личности, своеобразие ее взгляда на мир, воплощают силу его памяти о прошлом: «Стоял июль месяц. Равнодушная к человеческому горю природа сияла своей красотой. В своей тоске я стремился к одиночеству и гулял один, любясь необыкновенно красивыми окрестностями Гнаденфрея с живописными рощами на холмах и белыми лентами шоссе, обсаженных фруктовыми деревьями. Уже поспели черешни, и на перекрестках дорог их дешево продавали немецкие женщины. Целые поля необыкновенно красивого лилового вереска ласкали взор. По вечерам, в тихом свете заката, виднелись бредущие с полей стада. Я гулял до изнеможения, чтобы возможно позднее возвращаться в лагерь» (с. 413).

Вышеперечисленные приемы и средства репрезентации планов повествователя, персонажа и образа «я» отчетливо ориентированы на актуализацию прошлого. Очевидно явное присутствие в произведении А.А. Успенского «В плену» и плана авторского настоящего, воплощаемого посредством самоперебивов, комментариев, кор-

рекции своих воспоминаний и т.п., которые являются приметамы речевой маски комментатора: **«Не знаю, как я перенес этот удар! Ведь я так мечтал после войны и плена обнять этих самых дорогих и милых мне лиц, найти среди них утешение и успокоение после всего пережитого, а жестокий рок принес мне такое непоправимое горе! Но... довольно о себе»** (с. 436); **«Я уверен, что и Германия в свое время также вернет будущей, не большевицкой, России знамя 106-го пехотного Уфимского полка, <...>»** (с. 341); **«Я думаю, почувствовали и они красоту русского Богослужения, полного духовной радости, в эту пасхальную ночь:<...>»** (с. 289); **«Рассказы эти так были полны картинками изумительного героизма русской пехоты и артиллерии, что я тогда с некоторым недоверием выслушивал их, но вот теперь, когда источники немецкой и особенно русской военной литературы лежат передо мною <...>, я упрекаю себя в недоверии к рассказам участников этих боев»** (с. 231); **«Какая часть сражалась со мной? Узнаю ли я когда-нибудь подробное описание этого боя у немцев? И вот сейчас, спустя целых восемнадцать лет, я это узнал: передо мной лежит солидная книга – почтенный труд немецкого генерала от артиллерии Max von Gallwitz “Meine Führertätigkeit im Weltkrieg”, Berlin, 1930. Verlag vom E.G. Wittier u. Sohn»** (с. 252).

В исследуемом мемуарном тексте нами выделены фрагменты, маркированные иронической экспрессией, которая возникает в результате несоответствия точек зрения повествователя в прошлом и настоящем: **«Не забуду, как сильно волновался я тогда и по поводу своего Георгиевского креста. Как смешны представляются мне теперь эти мои сетования и скорбь, и опасения, что я, быть может, совсем не получу Георгиевского креста! Мог ли я тогда предполагать, как закончится война?!»** (с. 251–252); **«Ведь так всем нам хотелось верить, что “вернется на землю любовь”! Какими наивными были наши мечты о любви и скором мире на земле, показала впоследствии жестокая действительность!»** (с. 345).

К плану повествователя в настоящем следует отнести и авторские рассуждения, имеющие вневременной характер: **«Является вечный роковой вопрос: “В чем же смысл войны?”**. Есть идеалисты, что верят в возможность прекращения войны на земле, но такие чаяния были у человечества до Р. X. и после Р. X., а однако войны не прекращаются и сейчас, несмотря на то, что государства всего мира осудили войну как

варварское средство разрешения конфликтов, и учреждена Лига Наций, и даже работает “комиссия по разоружению”, – эти же государства готовятся к, быть может, еще более ужасной войне!!!» (с. 437).

Особое значение в репрезентации речевой маски комментатора отводится метатекстовым элементам, которые содержат те или иные сведения энциклопедического характера. Ср., например: **«Гнаденфрей – маленькое местечко в Верхней Силезии с одной кирхой, с несколькими десятками двух- и одноэтажных домиков, с четырьмя-пятью асфальтированными улочками и, между прочим, с двумя хорошими цветочными магазинами. Живописные окрестности»** (с. 258); **«Схимонахия – это монахия, заживо отпетая и потому навсегда отрекшаяся от видимого мира, обыкновенно живущая где-нибудь в скиту, но одиноко, вдали от главного монастыря, и совершенно не показывающаяся людям»** (с. 267).

Установка на воспоминания делает приметой мемуарного жанра повторяющиеся лексические единицы с семой «память»: помню, помнится, не забуду, как сейчас вижу и т.п., которые вводят описание какой-либо реалии, факта или ситуации в прошлом. Данные языковые средства сигнализируют о взаимодействии речевой маски комментатора и маски повествователя: **«Вспоминается одно праздничное меню (по случаю какого-то табельного дня): на первое блюдо сладкий суп (без мяса), а на второе – компот с фиалками и подснежниками! Как мы злились и смеялись тогда над этим меню! Многие из нас не стали есть фиалок и подснежников <...>»** (с. 213); **«Помню, как один из конвойных солдат, познанчик-поляк, начал делить по кусочку свой хлеб ближайшим около него пленным офицером»** (с. 197); **«Я как сейчас вижу эту трогательную в плену картину: многих, и седых, и юных, плачущих офицеров, которые, как дети, не могли сдержать себя и всхлипывали, стоя со свечами у своих постелей»** (с. 226); **«Никогда не забуду этого ночлега в храме Божиим! Было нестерпимо обидно от всех унижений, и невольно глаза устремлялись вверх, к алтарю, к слабо освещенному лунным светом Лику Христа Спасителя; невольно многие из нас в полумраке храма тихо плакали»** (с. 204–205).

В приведенных текстовых фрагментах лингвистически зафиксирована когнитивная деятельность памяти автора, мыслительные операции, в результате которых формируется и получает завершение мемуарное произведение.

Заключение. Изучив мемуарное произведение А.А. Успенского «В плену» в аспекте выявления в нем ипостасей автора (его речевых масок), мы пришли к следующим выводам:

1) в зависимости от соотношения адресанта с текстовым и реальным временем можно выделить три ипостаси автора исследуемого мемуарного текста: повествователь, персонаж, комментатор;

2) речевая маска повествователя является основной композиции исследуемого мемуарного текста, в то время как «голосам» персонажа и комментатора в данном случае отводится сопутствующая роль, однако весьма важная для формирования событийного и образного строя произведения;

3) события прошлого описываются мемуаристом-рассказчиком преимущественно при помощи видовременных форм глаголов прошедшего времени; помимо этого в исследуемом тексте представлены случаи смещения плана мемуариста-рассказчика в сферу мемуариста-персонажа (широкое употребление в тексте форм настоящего исторического и речевых средств, создающих эффект непосредственного восприятия);

4) в ряде фрагментов текста воплощен непосредственный «голос» персонажа в описываемый период прошлого, представленный формами внешней и внутренней речи;

5) в результате взаимодействия плана повествователя и плана персонажа в произведении «В плену» автором создается ретроспективный образ собственного авторского «я» при помощи приемов самообъективации;

6) план авторского настоящего расширяется посредством самоперебивов, комментариев, коррекции собственных воспоминаний, рассуждений и т.п., которые являются приметами речевой маски комментатора;

7) активное использование лексических единиц с семой «память» актуализирует взаимодействие речевых масок комментатора и повествователя, а также позволяет образно конкретизировать процесс создания автором мемуарного произведения.

Литература

1. Симонова, Т.Г. Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра: учеб. пособие / Т.Г. Симонова. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 119 с.
2. Гинзбург, Л.Я. О психологической прозе / Л.Я. Гинзбург. – Л.: Художественная литература, 1977. – 448 с.
3. Николина, Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы / Н.А. Николина. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 422 с.
4. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
5. Успенский, А.А. На войне. В плену: Воспоминания / А.А. Успенский. – СПб.: Издательство К. Тублина, 2015. – 448 с.

Поступила в редакцию 20.06.2019 г.